На правах рукописи

РОКНИФАРД Юлия Владимировна

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

Специальность 07.00.15 – История международных отношений и внешней политики

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2016

Работа выполнена в Институте международных отношений и мировой истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель:	доктор политических наук **Братерский Максим Владимирович**
Официальные оппоненты:	**Юртаев Владимир Иванович,** доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор-исследователь кафедры теории и истории международных отношений **Дружиловский Сергей Борисович,** кандидат исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ», профессор кафедры востоковедения
Ведущая организация:	ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МИД РФ»

Защита состоится «_____» апреля 2017 г. в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д.002.042.04 по историческим и политическим наукам при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт востоковедения РАН по адресу: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН Институт востоковедения РАН по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12 и на сайте www.ivran.ru

Автореферат разослан «_____» февраля 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук Шарипова Р.М.

© ФГБУН Институт востоковедения РАН, 2016

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования определяется историей острого политического кризиса вокруг иранской ядерной программы и ее предполагаемых целей. За более чем десятилетнюю историю вопроса ситуация вокруг иранской ядерной программы несколько раз балансировала на грани войны, а затем снова возвращалась в русло дипломатических переговоров на фоне ужесточения антииранских санкций. Даже после согласования Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) 14 июля 2015 г., оставалось неясным, насколько успешно состоится его реализация, по крайней мере, до официального объявления о ее начале 16 января 2016 г. Поэтому данная тема носит в том числе и прикладной характер и направлена на обзор истории иранского ядерного дела и анализ значения ядерной программы в формировании политики Ирана, как для прогнозирования дальнейшего развития ситуации, так и для наработки опыта для разрешения подобных ситуаций в будущем. Наряду с ситуацией вокруг ядерной программы КНДР, иранское ядерное досье станет хрестоматийным примером для анализа политики и процесса принятия решений различными участниками конфликта.

В начале своей истории ядерная программа Ирана отражала иранские претензии на лидерство в регионе, что вызывало немалое беспокойство сопредельных арабских государств, и начало ей было положено в шахский период, когда соперничество Ирана со странами Персидского залива выражалось более в категориях персо-арабского противостояния. Однако с 1957 г. по 1979 г. Иран, наряду с Саудовской Аравией, оставался одной из двух опор США в регионе, что снижало уровень беспокойства стран Персидского залива по поводу роста иранского влияния. После революции 1979 г., когда традиционное арабо-персидское противостояние усугубилось из-за сильной религиозной ориентации нового теократического режима, арабские государства залива во главе с Саудовской Аравией присоединились к своим западным союзникам в оказании давления на Иран, хотя и стали вторым эшелоном, последовав за США и подключившимся после ЕС. Так, в том числе и усиление регионального противостояния берет начало из прекращения союзнических отношений Ирана и США в связи со сменой режима в Тегеране. После этого к решению иранского ядерного вопроса подключились Россия и Китай, которые не желали отказываться от ряда текущих и будущих совместных проектов с Ираном, не в последнюю очередь в сфере ядерной энергетики. Через некоторое время после революции, когда иранская антиизраильская риторика превратилась из инструмента создания имиджа непримиримого борца с врагами мусульманского мира в полноценную политическую позицию, к давлению на Иран присоединился и Израиль. Для Тель-Авива проблема приобретения ядерного оружия недружественным государством, использующим резкую риторику в отношении самого существования Израиля, «страны одной бомбы», стала экзистенциальной.

Со временем усилилось и противостояние по линии суннитско-шиитского раскола, в частности, эти процессы стали более заметны после войны в Ираке

2003 г., что усложнило арабо-персидские проблемы за счет религиозно-идеологического компонента, влияющего на принятие политических решений. Данный раскол, вновь подтвержденный активизацией экстремистской группировки Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) на Ближнем Востоке, влиял и на решение других проблем в регионе. В частности, решение многих вопросов представляется невозможным без участия Ирана, который долгое время из-за санкций находился в относительной международной изоляции.

О международном характере вопроса говорит вовлечение в ситуацию вокруг иранской ядерной программы большого круга участников и постоянное внимание ООН, как в Генеральной Ассамблее, так и в более ограниченном составе Совета Безопасности, создание специального комитета Совета Безопасности в соответствии с резолюцией № 1737 (2006)[1], занимающегося иранской проблемой, и последующее расширение его компетенции. Международный характер обсуждения иранской ядерной проблемы и последующее формирование группы международных посредников (Группы «5+1», состоящей из пяти членов СБ ООН – США, России, КНР, Великобритании, Франции – и Германии) также способствовало закреплению дискуссии об иранской ядерной программе на международном уровне.

На высоком уровне иранское ядерное дело стало обсуждаться в связи с беспокойством международных игроков по поводу сохранения режима ядерного нераспространения, установленного Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г.[2] В современной мировой истории имеется ряд прецедентов, когда отдельные государства приобрели ядерное оружие после 1968 г., несмотря на запрет ДНЯО на разработку его любыми другими государствами, кроме тех, которые им уже обладают. Этими государствами стали Индия, Пакистан, Израиль и Северная Корея. Однако, Израиль, Индия и Пакистан не являлись членами ДНЯО, а северокорейский режим избрал для себя роль политического изгоя, завив о своем желании выйти из ДНЯО и не желая вступать в переговоры. Иран представляет собой особый случай, поскольку он являлся не только одним из самых ранних подписантов ДНЯО, но и лояльным и активным участником режима нераспространения, инициатором создания зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке, и никогда не заявлял о намерении выйти из ДНЯО. Неспособность международного сообщества предотвратить создание ядерного оружия на территории государства-участника, чьи ядерные объекты находятся под международным контролем, поставила бы серьезные вопросы к международному режиму ядерного нераспространения и создала бы прецедент для его дальнейшего размывания.

Позиции сторон, вовлеченных в ситуацию вокруг иранской ядерной программы, не отличались единством, что стимулировало поиск продуманных,

---

[1] Resolution 1737 (2006) Adopted by the Security Council at 5612th meeting, on 23 December 2006 // UN Official Website. URL: http://www.un.org/press/en/2006/sc8928.doc.htm (дата обращения: 7.07.2012).

[2] Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года.

научно обоснованных решений проблемы. Актуальны были не прямолинейные и жесткие, но тонкие продуманные варианты действий, учитывающие множество факторов, в том числе механизмы принятия политических решений в Иране, позиции различных сторон. Так, для России, настаивающей на дипломатических средствах разрешения конфликта, возможности его эскалации в «горячую» форму могли иметь серьезные последствия. Поэтому так же, как американские лидеры обещали не допустить существования ядерного Ирана, российские одинаково жестко настаивали на том, что нельзя допустить войну в Иране[3]. Хотя в целом, серьезные последствия, которые могло иметь военное вторжение в Иран – вариант действий, который рассматривался западными странами в отношении Исламской Республики – в той или иной мере затронули бы всех участников конфликта. Важное значение Ирана в контексте региональной безопасности – с точки зрения борьбы с терроризмом и наркотрафиком, сдерживания сепаратистских настроений в районах с преимущественно курдским населением, транспортировки энергетических ресурсов – только усилило бы негативный эффект от военного вторжения в страну.

Поэтому учитывая превращение иранской ядерной программы из фактора региональной политики в международную проблему, которой было уделено значительное внимание на уровне ООН, в заявлениях мировых лидеров и международной повестке, ее рассмотрение в научном контексте, в частности, во взаимосвязи с внешней политикой Ирана, приобрело чрезвычайно большую актуальность. Результатом переговорного процесса периода 2013–2015 гг. стала выработка Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе – наметились позитивные сдвиги, однако план по-прежнему представлял собой лишь контур действий сторон на долгосрочную перспективу до восстановления статуса Ирана в качестве полноправного и лояльного участника режима нераспространения, несмотря на выполнение сторонами первоначальных обязательств. Поэтому проблема иранской ядерной программы по-прежнему осталась актуальной для дальнейших исследований.

Объектом диссертационного исследования является внешнеполитический курс Ирана, его положение в системе международных отношений на глобальном и региональном уровне в контексте ядерной программы. При этом исследование не фокусируется на технических подробностях предполагаемого создания Ираном ядерного оружия и не ограничивается рассмотрением напряженной ситуации в Персидском заливе в связи с иранскими ядерными амбициями, а в большей части посвящено комплексному анализу глубинных причин поведения Ирана по ядерному вопросу, его исторической подоплеке и современным факторам иранской внутренней и внешней политики.

Предметом исследования является влияние ряда факторов, связанных с международным конфликтом вокруг иранской ядерной программы, на

[3] Путин: Россия сделает все, чтобы не допустить войны в Иране // РИА Новости. 2012. 2 марта. URL: http://ria.ru/vybor2012_putin/20120302/583743901.html#ixzz2G2sUTFBz (дата обращения: 12.12.2012).

формирование внешней политики Ирана, использование ядерной темы в качестве инструмента политики. Так, в предмет исследования входят:

- объективные противоречия Ирана с другими странами, которые формируют восприятие угроз различными акторами, то есть региональный и международный контекст развития ситуации вокруг ядерной программы;
- внутриполитические факторы, определяющие политику Ирана в отношении ядерной программы и, в свою очередь, влияющие на формирование внешней политики;
- внешняя политика Ирана, взаимоотношения с региональными и международными акторами на протяжении кризиса вокруг иранского ядерного досье.

В рамках предмета в диссертации рассматривается история иранской ядерной программы; религиозная основа иранской политики, соотношение светского и религиозного в реализации иранской внутренней и внешней политики, интересы духовной и, условно говоря, светской элит в этом процессе; внутренняя и внешняя политика Ирана, связанная с реализацией ядерной программы и борьбой за региональное лидерство; мотивы различных политических сил и взаимоотношения между ними, общественные настроения как фактор, замедляющий или ускоряющий принятие каких-либо решений по поводу ядерной программы Ирана.

Целью диссертационной работы является комплексное исследование влияния ядерной программы на формирование политики Исламской Республики Иран, внешнеполитические действия Ирана и международных акторов в контексте иранского ядерного досье, исследование международных последствий активной реализации Исламской Республикой Иран ядерной программы, которые вылились в международный конфликт. Осознание сути этого конфликта требует также анализа характера взаимоотношений между политическими группами, влияющими на принятие решений.

Для достижения цели исследования поставлены следующие **задачи**:

- анализ истории развития иранской ядерной программы на фоне политических изменений в Иране, а также в рамках системы государственной власти в Иране, основанной на принципе *велаят-е факих*, и ее эволюции;
- анализ влияния институциональной среды на принятие решений в отношении ядерной программы с уделением особого внимания соотношению сил духовной элиты и Корпуса стражей исламской революции;
- выявление роли иранской ядерной программы в формировании политики на различных уровнях, а также в обеспечении интересов различных внутриполитических групп;
- анализ регионального и международного контекста развития иранской ядерной программы;

- анализ восприятия возможных угроз участниками конфликта, влияющими на принятие ими решений: угрозы безопасности извне и с внутриполитической стороны для Ирана, угрозы режиму ядерного нераспространения и усиления Ирана в качестве региональной державы – для других государств;
- анализ внешней политики Ирана последних лет, направленной на утверждение в статусе регионального лидера на Ближнем Востоке;
- анализ конфликта вокруг иранской ядерной программы в целом и причин тех или иных внешнеполитических действий Ирана.

Исследование находится преимущественно в **хронологических рамках** 1989-2013 гг. Основные события, касающиеся ядерной программы Ирана, происходили с 1989 г., который является нижней хронологической границей исследования. Значение указанного периода объясняется переменами в иранской внутренней и внешней политике в связи со смертью аятоллы Хомейни и сменой его аятоллой Хаменеи на посту духовного лидера, с окончанием ирано-иракской войны, устранением силами США основного иранского конкурента – Ирака – с арены борьбы за региональное лидерство, повышением цен на нефть. Бóльшее внимание уделяется ядерному вопросу с начала кризисного периода в 2006 г., когда был принят первый раунд санкций СБ ООН против Ирана. Верхняя хронологическая граница определяется согласованием промежуточного плана действий между Ираном и группой международных посредников 24 ноября 2013 г. Этой вехой было отмечено начало нового этапа в переговорном процессе, когда сторонам удалось подойти к заключению всеобъемлющего соглашения, и соответственно, окончание кризисного периода, связанного с президентством Ахмадинежада. В данной же диссертации акцент был сделан на периоде обострения кризиса вокруг иранской ядерной программы, поэтому, за некоторыми исключениями, допущенными для отслеживания тенденций, хронологические рамки ограничиваются началом успехов команды Рухани в урегулировании ядерного вопроса.

Анализ некоторых особенностей иранского ядерного вопроса потребовал отсылок к событиям, которые происходили до 1979 г., а именно, начиная с 1957 г., поскольку в то время было положено начало иранской ядерной программе, а не в 1974 г., как иногда представляется в связи с созданием Организации по атомной энергии Ирана.

Степень разработанности темы, краткий обзор литературы. В исследовательских работах и печатных СМИ иранской ядерной проблеме уделяется значительное внимание. Особенное повышение публикационной активности наблюдалось в периоды, когда члены группы международных посредников готовились к принятию очередного раунда санкций в Совете Безопасности ООН или принимали их в одностороннем порядке, либо когда Израиль и его сторонники развивали дискуссии в СМИ по поводу вероятного военного удара по Ирану и его ядерным объектам, а также в моменты возобновления международных переговоров. Так, пики дискуссий на тему применимости военного сценария пришлись на 2006 г. – год принятия первого

раунда санкций в отношении Ирана Советом Безопасности ООН, на 2011–2012 гг. – на время принятия односторонних, «калечащих» санкций США и Евросоюза и угроз со стороны Ирана перекрыть Ормузский пролив для прохода нефти, и 2013–2015 гг. – на время очередного раунда международных переговоров и реализации промежуточного соглашения между Ираном и группой международных посредников.

С одной стороны, обилие материалов по иранскому ядерному вопросу предоставило богатую базу для исследования позиций сторон, позволило отслеживать подробности взаимодействия участников конфликта. С другой стороны – заставляло автора быть крайне требовательным к материалам, которые в конечном итоге были использованы в диссертации, поскольку ставилась задача выделить общие объективные тенденции, не окрашенные политическими интересами каких-либо государств или предпочтениями отдельных авторов.

Из российской литературы привлекались работы специалистов по международным отношениям в целом, военных экспертов, сотрудников сектора Ирана Института востоковедения РАН.

Из иностранной литературы предпочтение отдавалось взвешенным аналитическим трудам, в том числе написанным авторами иранского происхождения, проживающими либо в самом Иране, либо эмигрировавшими в Европу или в США. При этом автор не избегала и цитирования тенденциозных публикаций, направленных на разжигание революционной ситуации и смену режима в Иране, поскольку это помогало сделать картину исследования более полной. Несомненно, эта часть спектра мнений также представляет определенную исследовательскую ценность – в частности, по вопросу отношения оппозиции к развитию ядерной программы Ирана.

Теоретическому становлению исследования, формированию основных представлений о принципах функционирования иранской власти способствовали труды, посвященные исламской философии и идеям исламского государства в авторстве экс-президента М. Хатами[4], исламского реформиста А. Суруша[5], наставления имама Али, изложенные в сборнике *Надж-оль-Балага*[6], публикации и выступления аятолл Месбах-Язди, Хаменеи, Джаннати, выступления политолога и стратега духовного лидера Хасана Аббаси. Подкрепленные рядом работ в научных периодических изданиях, фундаментальные труды позволили глубже исследовать эволюцию принципа *велаят-е факих*, на котором строится система иранской власти, атмосферу, в которой разворачивается иранская политическая жизнь.

На формирование авторского подхода к оценке государственно-политического устройства Ирана оказали влияние работы и зарубежных авторов-иранистов. Среди них – иранисты Н. Кедди[7], Р. Райт[8], бывший

---

[4] *Хатами С.М.* Страх перед бурей. М.: Изд-во МГУ, 2001. 127 с.
[5] *Soroush A.* Reason, Freedom and Democracy in Islam. Oxford: Oxford University Press, 2000. 256 p.
[6] *Мусави Исфахани С.Д.* Свет мудрости в высказываниях имама Али / пер. с перс. Р. Асваров. Казань, 209. 152 с.
[7] *Keddie N.* Modern Iran. Roots and Results of Revolution. L.: Yale University Press, 2006. 408 p.
[8] *Wright R. The Last Great Revolution Turmoil and Transformation in Iran*. NY: Alfred A. Knopf, *2000*. 339 p.

советник президента США по вопросам Ближнего Востока В. Наср[9]. Н. Кедди и Р. Райт проводили многочисленные интервью на территории Ирана. Сборник статей “The Iran Primer” под редакцией Р. Райт[10] широко цитируется в диссертации благодаря своей проработанности, четкости излагаемого материала и разнообразию авторов как американского, так и иранского происхождения.

Свой вклад в исследование внутриполитического устройства Ирана также внесли К. Шерилл[11], М. Камрава[12], А. Альфуне[13], А. Эхтешами[14]. Классификация иранских политических групп, предложенная К. Шериллом, была определена автором как наиболее удачная для описания иранского фракционного деления. Оппозиционный взгляд на политику иранского правящего режима в исследовании представлен работами журналистов А. Ганджи[15] и А. Тахери[16], материалами с порталов Организации моджахедов иранского народа[17], Движения зеленого пути[18]. В своих работах А. Ганджи квалифицирует иранскую систему власти как нео-султанат, обосновывая преемственность ее авторитарности еще с шахских времен. А. Тахери отзывается об иранском режиме как безнадежно не реформируемом, поскольку нынешняя природа иранской власти “заложена в ее ДНК революцией 1979 г.”

В среде русскоязычных иранистов особенно выделяются сотрудники сектора Ирана Института востоковедения РАН Е. Дунаева, Н. Мамедова, Л. Раванди-Фадаи, В. Сажин, Н. Филин, а также профессор Еврейского университета Иерусалима В. Месамед[19].

Положению Ирана в регионе и его внешней политике уделяли внимание такие востоковеды, как Г. Мирский[20], Л. Кулагина, И. Панкратенко, В. Сотников, У. Полк[21], А. Эхтешами. У. Полк исследовал мотивы иранской внешней политики, указывая на критическое непонимание ее Западом. Ряд идей востоковеда Г.И. Мирского был положен в основу данной диссертации, выполнение которой начиналось под его научным руководством.

---

[9] *Nasr V*. The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future. NY: W.W.Norton & Company. 310 p.
[10] The Iran primer: power, politics, and U.S. policy / Robin Wright (ed.). Wash.: Institute of Peace Press, 2010. 270 p.
[11] *Sherrill W. C.* After Khamenei: Who Will Succeed Iran's Supreme Leader? // Orbis. 2011. Fall.
[12] *Kamrava M.* The 2009 Elections and Iran’s Changing Political Landscape // Orbis. 2010. Summer.
[13] *Alfoneh A.* The Revolutionary Guards’ Role in Iranian Politics // Middle East Quarterly. 2008. Fall.
[14] *Hinnebousch R. Ehteshami A.* The foreign policies of Middle East states. USA: Lynne Rienner Publishers, 2002. 381 p.
Ehteshami A. After Khomeini: The Iranian Second Republic. L.: Routledge. 1995. 244 p.
[15] *Ganji A.* The Latter-Day Sultan: Power and Politics in Iran //Foreign Affairs. 2008. November/December.
[16] *Taheri A.* Getting Serious About Iran: For Regime Change // Commentary. 2006. November.
[17] URL: http://www.mojahedin.org
[18] URL: http://www.rahesabz.net
[19] Статьи на сайте Института Ближнего Востока. URL: www.iimes.ru
[20] *Мирский Г.* Иран и США: противостояние на фоне «ядерного кризиса» // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 7.
Мирский Г. Иран: трещина в системе // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11. Смертельные санкции для Тегерана: интервью с Г.Мирским // Эхо планеты. 2010. № 37.
Мирский Г. Будет ли удар по Ирану // Независимая газета. 2012. 13 апр.
[21] *Polk W.R.* Understanding Iran: Everything You Need to Know, From Persia to the Islamic Republic, From Cyrus to Ahmadinejad. NY: Palgrave Macmillan. 272 p.

Анализ иранского статуса в регионе и в контексте режима ядерного нераспространения рассматривался с помощью трудов К. Афрасиаби[22], В. Евсеева[23], Е. Сатановского[24], А. Хлопкова[25], А. Арбатова[26], материалов журналов «Россия в глобальной политике» и «Foreign Affairs».

Ключевое значение США (наряду с Израилем) в конфликте вокруг иранской ядерной программы, их историческая роль в усилении недоверия между Ираном и Западом были детально описаны в трудах Т. Парси[27] и Ф. Джерджеса[28].

Представление об американской дискуссии о различных вариантах действий в отношении иранского ядерного вопроса помогли составить статьи экспертов Совета по международным отношениям Дж. Линдсея и Р. Такея. В многолетней дискуссии на страницах журнала "Foreign Affairs" также принимали участие Э. Эдельман, Э. Крепневич, А. Монтгомери[29], Д. Адамски[30], Б. Поузен[31], Б. Рубин[32]. В 2012 г. на свежей волне дискуссии журнал публиковал статьи старших преподавателей Джорджтаунского университета М. Кронинга[33] и К. Кахля[34] о возможности применения военного сценария. М. Кронинг настаивал на том, что время для того, чтобы предпринять вооруженные действия, почти истекло, Иран близок к приобретению ядерного оружия, и требуются решительные действия со стороны США. Приемлемость военного удара он объяснял тем, что США смогут справиться с возможными последствиями. К. Кахль возражал ему в том, что последствия могут быть крайне непредсказуемы и разрушительны, поэтому военные действия должны быть последним прибежищем. С ним солидарен и Ф. Закария, который в своей аналитике всегда придерживался мягких вариантов воздействия на Иран, в частности дипломатического подхода[35]. В 2014 г. авторы возобновили дискуссию, придерживаясь все тех же точек зрения, несмотря на изменения, произошедшие в мировой политике и в ситуации вокруг ядерной программы Ирана за два года.

---

[22] *Afrasiabi K.* After Khomeini: New Directions in Iran's Foreign Policy. Oxford: Westview Press, 1994. 244 p.

[23] *Евсеев В.В.* Военно-политические аспекты иранской ядерной проблемы. М.: Институт проблем развития науки РАН, 2010. 240 с.

[24] *Сатановский Е.* Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. М.: Эксмо, 2012. 384 с.

[25] *Хлопков А.* Ядерная программа Ирана – незаконченная история / У ядерного порога: уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / под ред. А. Арбатова.bМ.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 184 с.

[26] Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / под. ред. А. Арбатова и В. Наумкина. М: Московский Центр Карнеги, 2005. 33 с.

[27] *Parsi T.* A single roll of the dice: Obama's diplomacy with Iran. L.: Yale University Press, 2012. 284 p.

[28] *Gerges A. F.* Obama and the Middle East. The End of America's Moment? NY: Palgrave Macmillan, 2012. 292 p.

[29] *Edelman E. Krepnevich A. Montgomery E.B.* The Dangers of A Nuclear Iran: The Limits of Containment // Foreign Affairs. 2011. January/February.

[30] *Adamsky D.* The Morning After in Israel // Foreign Affairs. 2010. March/April.
Adamsky D. The War Over Containing Iran // Foreign Affairs. 2011. March/April.

[31] *Posen B.* The Containment Conundrum. Overkill // Foreign Affairs. 2010. July/August.

[32] *Rubin B.* The Containment Conundrum. The Right Kind of Containment // Foreign Affairs. 2010. July/August.

[33] *Kroening M.* Time to attack Iran: Why a Strike Is the Least Bad Option // Foreign Affairs. 2012. January/February.

[34] *Kahl C.* Not time to attack Iran: Why war should be a last resort // Foreign Affairs. 2012. March/April.

[35] *Zakaria F.* Another War in the Middle East? // The Time. 2012. 19 March.
Программа и блог Ф. Закария на телеканале CNN, URL: http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/tag/cnns-fareed-zakaria/

Американский журналист Дж. Голдберг подробно освещал ситуацию вокруг иранской ядерной программы с американо-израильских позиций. Заметной, в частности, стала статья Голдберга в журнале “Atlantic” в 2010 г.[36].

В целом, работ, полностью посвященных непосредственной сути данной диссертации, а именно взаимосвязи между иранским внутриполитическим устройством, ядерными амбициями и внешней политикой, не имеется. Наиболее близким к теме диссертации является исследование П. Клоусона[37], в котором автор рассматривает международное давление на Иран в качестве рычага, а внутриполитическую ситуацию – в качестве точки приложения силы. Также Клоусон выдвигает гипотезу о том, что предварительное согласие Ирана на сделку по обмену низкообогащенного урана на топливные стержни в 2009 г. стало не реакцией иранской стороны на консолидацию позиций международных сил в отношении иранской ядерной программы, как предполагают некоторые исследователи, а следствием внутренних беспорядков после президентских выборов и ослабления легитимности действующей власти.

Также рассматривались диссертационные работы по Ирану, иранской внешней и внутренней политике, взаимоотношениям Ирана с региональными и нерегиональными государствами. Среди прочих можно отметить диссертации А.А. Бакланова[38], С. Бурцева[39], С. Воронина[40], А. Нури[41], Н. Филина[42], В. Юртаева[43], В. Юрченко[44], С. Ятимова[45]. Среди нижегородцев, работавших по смежным темам, следует назвать А. Матвеева[46], Ю. Мотовилова[47], А. Сулейманова[48], Е. Сухих[49], А. Тюменкову[50]. Для целей настоящего

---

[36] *Goldberg J.* The Point of No Return // The Atlantic Magazine. 2010. September.

[37] *Clawson P.* Much Traction from Measured Steps // Policy Focus. 2010. № 100.

[38] *Бакланов А.А.* Формирование и кризис режима нераспространения ядерного оружия на примере Ирана: дис. … канд. ист. наук: 07.00.15. Москва, 2012.

[39] *Бурцев С.Н.* Иранский фактор во взаимоотношениях России и США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии: дис. … канд. полит. наук: 23.00.04. Москва, 2014.

[40] *Воронин С.А.* Эволюция политического лидерства в исламском мире в контексте концепции «третьего пути» в 40-е г. XX в. – нач. XXI в.: Индонезия, Ливия, Иран: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.03. М., 2010.

[41] *Нури А.* Политика России по отношению к ядерной программе Ирана в XXI в.: геополитические аспекты: дис. … канд. полит. Наук: 23.00.04. Санкт-Петербург, 2016.

[42] *Филин Н.А.* Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979-2008): факторы устойчивости государственной власти: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2009.

[43] *Юртаев В.И.* Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран в 1979-2010 гг.: дис. … доктора ист. наук: 07.00.15. М., 2012. На основе данной диссертации также была издана монография: *Юртаев В.И.* Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979-2010 гг.). М.: РУДН, 2012. 385 с.

[44] *Юрченко В.Н.* Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях: 2001-2008 гг.: дис ... канд. ист. Наук: 07.00.03. Тюмень, 2010.

[45] *Ятимов С.С.* Хомейнизм и внешнеполитическая идеология Исламской Республики Иран в новой системе международных отношений: дис. ... доктора полит. наук: 23.00.04. Душанбе, 2002.

[46] *Матвеев А.С.* Стратегия и развитие закавказской политики Исламской Республики Иран в период президентства Махмуда Ахмадинежада: дис. … канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2013.

[47] *Мотовилов Ю.В.* Особенности выработки и осуществления региональной политики Исламской Республики Иран в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Н. Новгород, 2005.

[48] *Сулейманов А.В.* Политика Турции в отношении Ирана: концептуальное обоснование, институциональная специфика и технологии реализации: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. Н. Новгород, 2011.

[49] *Сухих Е.А.* Процессы и механизмы политического взаимодействия Российской Федерации и Федеративной Республики Германия с Исламской Республикой Иран по проблеме иранской ядерной программы: дис. … канд. ист. наук: 23.00.02. Н. Новгород, 2010.

[50] *Тюменкова А.С.* Динамика двустороннего взаимодействия Российской Федерации и Исламской Республики Иран в 1990-2011 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2012.

исследования наиболее ценными оказались выводы Н. Филина об устойчивости правящего режима в Иране и Ю. Мотовилова о принципах формирования внешней политики Ирана. Важными также оказались выводы В.И. Юртаева о значении «статусности» принимаемых в Иране решений и рассуждения А.С. Тюменковой о факторах нестабильности природы российско-иранских отношений. Попытка рассмотреть характер и цели иранской ядерной программы, хотя и в контексте политики России, была сделана в диссертации А. Нури.

В работе над диссертацией автор использовала библиотечные фонды Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Института мировой экономики и международных отношений РАН, Российской государственной библиотеки, Дипломатической академии МИД России, Тегеранского университета (Иран), Международного университета Имама Хомейни в Казвине (Иран), Международного исламского университета Малайзии.

Эмпирическая база исследования включает в себя следующие материалы, которые условно можно отнести к нескольким группам: официальные документы, включая резолюции Совета Безопасности ООН по Ирану, документы МАГАТЭ, сообщения информационных агентств и статьи в периодических печатных и электронных СМИ, на тематических порталах, телевизионные передачи, составившие фактологическую основу исследования; статьи в аналитических изданиях, монографии, книги и сборники; личные интервью автора с представителями иранской академической, культурной, духовной и политической элит; основополагающие труды по исламской философии, государственно-политическому устройству Ирана, институциональной эволюции государств и опыту взаимодействия мирового сообщества с ядерными государствами.

Источники условно делятся на три группы по языковому принципу – русско-, англо- и персоязычные.

По уровню значимости и правовой силе источники можно разделить на международно-правовые акты, тексты резолюций Совета Безопасности ООН, доклады Генерального секретаря ООН, двусторонние и многосторонние межгосударственные соглашения, нормативные акты отдельных государств, выступления официальных представителей Ирана в ООН и МАГАТЭ, совместные заявления представителей «Группы 5+1» и Ирана, выступления официальных лиц по поводу внешней и внутренней политики, иранские законодательные и внутриведомственные акты. Важнейшим источником исследования стала Конституция Ирана, способствующая осмыслению принципов устройства системы иранской власти.

Фактология работы сформирована за счет сообщений информационных агентств и публикаций в периодических СМИ, из которых необходимо отметить: РИА Новости, ИТАР-ТАСС, Рейтер (Reuters), Росбалт, газеты «Московские новости», «Независимая газета», «Коммерсант», «Эксперт», «Российская газета», эфиры телеканала Euronews, «ТВ центр», «Россия»; из англоязычных – BBC, CNN, Aljazeera, Press TV.

Русскоязычные материалы были представлены журналами «Азия и Африка сегодня», «Мировая экономика и международные отношения». Широко использовались статьи и заметки с тематических порталов, таких как Центр изучения современного Ирана[51], Институт Ближнего Востока[52]. По тематике ядерного нераспространения задействовались ресурсы Центра политических исследований России (ПИР-Центра)[53].

Базу англоязычных аналитических статей составили статьи в журналах “Foreign Affairs”, “Financial Times”, “The Atlantic”, “The Guardian”, “Time”, “The Economist”, газетах “The Washington Post”, “The New York Times” (международное издание – “International Herald Tribune”), “Huffington Post”, “Tehran Times”, а также “Commentary”, “Washington Quarterly”, “Orbis”, материалы Совета по международным делам (Council for Foreign Relations). Работу автора по сбору материалов также упростили порталы, аккумулирующие информацию об иранской внутриполитической ситуации и внешней политике, о ситуации вокруг ядерной программы Ирана – Iran Watch[54], Iran Tracker[55], Iran Review[56].

Из использованных персоязычных ресурсов – сообщения информационных агентств Islamic Republic News Agency (IRNA), Iranian Students News Agency (ISNA), Fars News Agency[57], газеты и аналитические журналы, например, еженедельник «Мосалас» («Треугольник») и ежемесячник «Насим-е бидари» («Ветер пробуждения»), эфиры телеканалов Государственной телерадиовещательной компании Ирана.

Важной особенностью работы можно назвать личные интервью, проведенные автором во время нескольких поездок в Иран[58]. Полученная в ходе интервью информация незаменима в понимании иранского видения внешней и внутренней политики, а также принципов, на которых основана эта политика. Проведенные интервью также помогли верифицировать логические выводы, сделанные в работе.

---

[51] URL: www.iran.ru
[52] URL: www.iimes.ru
[53] URL: http://www.pircenter.org/
[54] URL: http://www.iranwatch.org/
[55] URL: http://www.irantracker.org/
[56] URL: http://www.iranreview.org
[57] Полуофициальное государственное новостное агентство, рупор консервативной части элиты. На протяжении нескольких лет возглавлялся Хамидрезой Могадамфаром, который ныне является заместителем командующего КСИР.
[58] Интервью с научным сотрудником Института кавказских исследований при Тегеранском университете Мехди Хоссейни Таги Абадом, Тегеран, июнь 2011 г.; Интервью с доцентом Тегеранского университета Джахангиром Карами, Тегеран, июнь 2011 г.; Интервью с доктором философии, директором иранского института философии Голамреза Авани, Тегеран, июнь 2011 г.; Интервью с депутатом меджлиса восьмого, девятого созывов, профессором Тегеранского университета Ильясом Надераном, Тегеран, июль 2011 г.; Интервью с депутатом меджлиса пятого, шестого, седьмого созывов, профессором Тегеранского университета Хасаном Собхани, Тегеран, июль 2011 г.; Интервью с пятничным имамом провинции Хормозган Голамреза Наим Абади, Бандар-Аббас, август 2011 г.; Интервью с директором офиса провинции Хормозган Организации исламской пропаганды ходжатольэслам ва альмослемин Мохаммадом Эбадизаде, Бандар-Аббас, август 2011 г.; Интервью с депутатом меджлиса восьмого, девятого созывов, профессором Тегеранского университета, заведующим кафедрой россиеведения Мехди Санаи, Тегеран, сентябрь 2011 г.; Интервью с профессором Тегеранского университета Абу Мухаммадом Асгархани, Тегеран, ноябрь 2012 г.

Задачи исследования и природа исследуемого объекта предопределили комплексное применение общенаучных **методов исследования** – индукции и дедукции, анализа и синтеза, системного подхода, – и специальных методов отдельных дисциплин.

Системный подход позволил на основании исследования различных этапов развития иранской ядерной программы, кризиса вокруг нее наряду со стремлением Ирана утвердиться в статусе регионального лидера рассмотреть точки зрения политических элит по ядерному вопросу.

Исторический подход дал возможность проследить тенденции в развитии иранской ядерной программы.

Религиоведческий подход был применен при анализе внутриполитического устройства Ирана и способствовал пониманию автором основ, на которых строится современная иранская политическая система, и принципов ее функционирования, заложенных революцией 1979 г. и в более ранние периоды. Комбинация религиоведческого и системного подходов помогла раскрыть взаимосвязь внешней политики Ирана с религиозно-политическими установками иранской правящей элиты.

Метод *сравнительного анализа* позволил выявить различия в позициях США, Израиля, группы международных посредников, стран Персидского залива по отношению к иранскому ядерному вопросу, а также соотнести позиции по внешней политике различных фракций в политической элите Ирана.

Методом *структурно-функционального* анализа исследовалась деятельность государственных институтов и их влияние на внешнюю политику государства Иран.

Дополнительная информация была получена с помощью *интервью* с представителями иранской политической элиты, профессуры и исследовательских организаций.

Всеобъемлющее исследование факторов, определяющих политику Ирана на ядерном направлении, автор проводила с позиций неореализма[59] и рассматривала влияние международной системы, так как частично иранская внешняя политика определяется международной средой – соревновательной ситуацией в регионе и амбициями на утверждение в качестве влиятельной международной державы. При формировании политики Иран руководствуется прежде всего своими интересами и за мессианской риторикой демонстрирует приверженность прагматическому мышлению. Концепция неореализма обосновывает возможные причины наращивания силы Ираном – как военной, так и технологической, а также беспокойство международного сообщества по поводу размывания режима ядерного нераспространения – прежде всего, как опасности возникновения ряда других государств, обладающих ядерной боеспособностью, с точки зрения изменения установившегося баланса сил. Взгляд через призму неолиберализма способствовал оценке

[59] *Waltz K. N.* Man, the State and War: a Theoretical Analysis. NY: Columbia University Press, 2001.

внутриполитических нюансов принятия решений за счет рассмотрения неоднородных настроений в обществе и власти.

Отдельно для анализа систем безопасности автор опиралась на теорию региональных комплексов безопасности Бузана-Вэвера[60]. Отношения Ирана со странами региона оказывают непосредственное влияние на формирование его собственной политики безопасности. Ближний Восток относится к комплексам, где доминируют военно-политические проблемы безопасности, что напрямую связано с наращиванием военной мощи странами региона, а значит предполагает и возможное стремление государств к развитию военного ядерного потенциала. В рамках данной теории географические факторы, непосредственная близость государств друг к другу занимают центральное место, что определяет необходимость анализировать позицию Ирана по ядерному вопросу в региональном контексте, так как процессы секьюритизации – формирования восприятия угроз безопасности – в странах региона фактически взаимозависимы. Теория региональных комплексов безопасности опирается на полярность в распределении сил между государствами, что предопределяет акцент на рассмотрении взаимоотношений Ирана, претендующего на статус одного из центров силы, с конкурентами за этот статус – Саудовской Аравией и Турцией.

В то же время попытка установить взаимосвязь между развитием внутриполитических событий в контексте ядерной программы и принятием Ираном внешнеполитических решений отчасти основана на конструктивистском подходе, который предполагает учет взаимовлияния ценностей и интересов. В этом смысле поддержку исследованию также оказала работа “Мусульманская политика” Д. Экельмана и Дж. Пискатори, основанная на идее о том, что для анализа внешней политики мусульманских государств необходимо применять элементы как рационализма, так и конструктивизма. В частности, в работе уделяется внимание описанному авторами «горизонтальному транснационализму»[61], который отчасти руководит иранской внешней политикой. Экельман и Пискатори также используют в своей теоретической конструкции такой термин, как «мусульманское посредничество», «способность мусульман к действию», то есть чувство принадлежности к группе, которая обладает способностью вмешиваться в какой-либо процесс или воздерживаться от такого вмешательства, воздействовать на течение событий[62].

В рамках историко-социологического подхода, предложенного Ф. Холидеем для анализа внешней политики стран Ближнего Востока, идеология и базирующиеся на ней внутригосударственные нормы выступают прежде всего как инструмент легитимации и принуждения, и внешняя политика также выполняет для правительства наиважнейшую функцию легитимации, в то

---

[60] *Buzan B. Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
[61] *Eickelman D., Piscatori J.* Muslim Politics. Princeton: Princeton University Press, 2004. P. 142.
[62] Ibid. P. 162.

время как идеология движет внешней политикой[63]. В свете того, что в аналитике Иран периодически представляется иррациональным актором, чьей внешней политикой управляют радикально иные по сравнению с Западом ценности, теория Холидея заслуживает внимания в данной работе.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного исследования международного конфликта, сложившегося вокруг иранского ядерного досье, основой для которого стала не только внешнеполитическая среда, но и динамика внутри иранского общества и политической системы.

Автор данной работы – одна из множества исследователей, занимающихся иранской ядерной проблемой. За время существования этой темы на свет появилось большое количество исследовательской литературы. В частности, была подробно исследована история иранского ядерного дела, проблематика региональных угроз, исследования технической стороны иранской ядерной программы и анализ возможностей и сроков приобретения Ираном ядерного оружия. Также имеется огромное количество работ авторов-востоковедов по государственному устройству Ирана, основанному на политико-религиозной доктрине *велаят-е факих*, закрепленной в виде конституционного принципа. Однако до этого множественность факторов из разных областей иранистики и международных отношений не сводилась воедино, чтобы произвести комплексный анализ значения национальной ядерной программы в политике Исламской Республики Иран – внутриполитических и политико-идеологических причин ее развития, влияния на этот процесс институционального устройства и позиций внутриполитических групп, регионального контекста, региональных и международных угроз и их видения внутри Ирана. Так, в исследованиях, посвященных региональному либо международному контексту формирования иранской политики по ядерному вопросу, зачастую игнорируются внутриполитические факторы, за счет чего порой появляются неточные выводы, связывающие те или иные действия Ирана с воздействием внешней среды, в то время как они также определяются развитием событий внутри самого Ирана и могут быть не связаны с международным давлением или восприятием каких-либо угроз. Поэтому новизна данной работы заключается в ее комплексном характере, позволяющем проанализировать внешнюю политику Ирана в контексте ядерной программы наиболее полно, для поиска ее реальных мотивов.

Полнота исследования достигнута за счет привлечения персоязычных документов, периодической прессы, телевизионных передач, отражающих позицию иранской стороны, взгляды иранских политологов и официальных лиц на состояние конфликта, информирующих об участии политических элит в его развитии и разрешении, общественных настроениях по поводу внешней политики государства и действий официального Тегерана по реализации

[63] *Halliday F.* The Middle East in International Relations: Power, Politics and Ideology. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 35.

ядерной программы. Это позволило проникнуть в суть иранской позиции, которая в западном дискурсе зачастую воспринималась абстрактно и довольно враждебно, в то время как для поиска решений требовался подход, основанный на глубоком понимании позиций всех сторон, их мотивов и истории их взаимодействия.

В качестве **основных положений диссертации на защиту выносятся** следующие:

1. Препятствием к разрешению иранского ядерного вопроса в рассматриваемый период являлось значение национальной ядерной программы для его внутренней и внешней политики, в особенности ее глубокая секьюритизация на национальном уровне. На глобальном уровне международной системы мотивацию создало идеологическое противостояние новой иранской власти с Западом и попытка доказать свою независимость и самодостаточность. Также иранская ядерная программа подходила в качестве орудия сдерживания: как в случае приобретения технической способности произвести ядерное оружие, так и в случае развития мирной компоненты, но сохранения относительной непрозрачности в отношении других амбиций. На региональном уровне Иран претендовал на статус лидера, но теперь благодаря не положению одной из опорных колонн США на Ближнем Востоке, а собственной независимости, обеспеченной исторической ролью, богатством природными ресурсами и моральным превосходством, приобретенным благодаря установлению теократии, которая опиралась на ислам, одновременно согласуя свою политику с восприятием региональных угроз безопасности. На внутриполитическом уровне ядерная программа, особенно с усилением внешнего давления, стала своего рода национальной идеей и залогом легитимности действующей власти. Амбиции по развитию ядерной программы являлись для иранской правящей элиты второстепенными по сравнению с экзистенциальной необходимостью сохранять систему, и настойчивость Ирана на своем неотъемлемом праве на развитие мирной ядерной программы проявлялась до тех пор, пока она оставалась одной из основ легитимности исламской республики.
2. Продолжительный опыт негативного взаимодействия с Исламской Республикой Иран по ядерному вопросу, более, чем 30-летняя история противостояния с США создала основу для глубокого взаимного недоверия между Ираном и Западом. Это обстоятельство, наряду с сильным сопротивлением дипломатической инициативе Барака Обамы в США и Хасана Рухани в Иране на этапе обсуждения всеобъемлющего плана действий препятствовало нормализации ирано-американских отношений и разрешению иранского ядерного вопроса.
3. Текущее устройство иранской системы государственной власти и фракционизм предопределяли эффективность взаимодействия с разными группами влияния и государственными институтами в процессе урегулирования иранского ядерного вопроса.
4. В Иране до 2013 г. сохранялась относительно благоприятная среда для секьюритизации ядерного вопроса и относительный консенсус по поводу

внешнеполитической линии государства, что поддерживало легитимирующую функцию ядерной программы.

5. Избрание нового президента Ирана 14 июня 2013 г. из числа умеренных политиков, смена команды переговорщиков и смягчение позиции духовного лидера свидетельствовали о частичной смене внешнеполитического курса. В то же время это не позволяло предсказать, насколько долгосрочным будет конструктивный подход в иранской внешней политике, направленный на ослабление международных санкций. Институциональная система Ирана не потерпит абсолютной открытости во взаимоотношениях с западными странами, а найти замену практически институционализировавшемуся образу ядерной программы будет непросто.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что из общего объема материалов по ситуации вокруг иранской ядерной программы были отобраны те, которые отражают реальный дискурс по проблеме, с помощью сравнительного анализа проанализированы различные факторы, которые имели значение для ее решения. Поэтому диссертационная работа может применяться как основа для будущих исследований, для которых представляет значимость мотивация правящей элиты, общественные настроения и политические традиции Исламской Республики Иран, оказывающие влияние на внешнюю политику государства, в том числе на его позицию по ядерному вопросу. Исследование может применяться для разработки методических пособий и спецкурсов по иранистике и зарубежному регионоведению.

Прикладное значение исследования заключается в возможности его использования лицами, задействованными в разрешении и последующем мониторинге иранского ядерного вопроса, сотрудниками МИД РФ – для формулирования устойчивой позиции России в отношении Ирана, исходя из понимания процессов, происходящих в иранской политике, и соотнесения их с собственными долгосрочными интересами, а не с сиюминутной международно-политической обстановкой.

Соответствие паспорту специальности 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики» определяется исследованием в работе областей 3 (Международные отношения и внешняя политика на разных этапах исторического развития) и 6 (Национально-государственные приоритеты во внешней политике и международных отношениях).

Апробация результатов исследования. Различные аспекты исследуемой темы, а также основные выводы были представлены на научно-практических семинарах, конференциях, научно-образовательных школах. В частности, на конференциях по международным отношениям и вопросам стран Ближнего Востока в Казани (1-й казанский международный научный форум «Ислам в мультикультурном мире», 1–3 ноября 2011 г.), Нижнем Новгороде (Актуальные проблемы международных отношений, зарубежного регионоведения, политической науки, международного туризма и культурной дипломатии, апрель 2012 г.), Уфе (Международная научно-практическая конференция, посвященная 120-летию Карима Хакимова, 24–26 марта 2011 г.), Казвине

(Иран) (2nd International Virtual Conference on Iran & the World Contemporary Developments, 3-4 сентября 2011 г.), Тегеране (Иран) (3rd International Conference on International System, Regional Developments, and Iran's Foreign Policy, 21-22 ноября 2016 г.), на круглых столах в Москве (в качестве модератора, круглый стол для молодых экспертов по изучению Ирана Общественной инициативы «Креативная дипломатия» и Фонда исторической перспективы с участием сотрудников сектора Ирана Института востоковедения РАН, 23 марта 2011 г.), Международной студенческой модели ООН в Новосибирске («Иран перекрыл Ормузский пролив (модельная ситуация)», молодежная деловая игра «Новосибирская Модель ООН, 14–17 марта 2012 г.), на научно-образовательных мероприятиях Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова в Астрахани (научно-образовательная программа «Каспийская молодежная школа», 17–21 октября 2012 г.), и Сочи (научно-образовательная программа «Кавказский диалог», 11-15 ноября 2012 г.) в ходе Международной летней школы по глобальной безопасности ПИР-Центра в Подмосковье (30 июня – 13 июля 2013 г.)[64].

Отдельные аспекты исследования были представлены автором в рамках проведения семинаров по курсу «Мусульманское право» на Отделении исламоведения под патронажем эмира Наифа бен Абдель Азиза при кафедре арабской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ и применены в исследовательской работе в Экспертном институте Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Проверку некоторых результатов автор имела возможность провести во время прохождения стажировки в Международном фонде «Qadir» (июнь-август 2011 г.) и в Международном исламском университете Малайзии (январь 2012 г., февраль – ноябрь 2013 г.).

По отдельным аспектам исследования имеется круг публикаций в научных изданиях и периодической печатной и электронной прессе, в том числе три статьи в изданиях, входящих в перечень ВАК. Автор опубликовала серию информационно-аналитических заметок на сайте аналитического агентства «Внешняя политика»[65], на страницах журналов «Вестник аналитики» и «Индекс безопасности», «Независимой газеты», на сайте ПИР-Центра[66], аналитического англоязычного портала Russia Direct[67], двуязычного бюллетеня Russia Confidential, на сайте Института изучения Ирана и Евразии (Иран)[68]. Общий объем публикаций составляет 8,7 п.л., из них публикаций в журналах, рекомендованных ВАК – 3,1 п.л.

Структура работы исходит из целей и задач, методов исследования и последовательности анализа материалов и событий. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, трех приложений, списка использованных источников и литературы. Деление на три главы обусловлено необходимостью

[64] http://pircenter.org/pages/301-mezhdunarodnaya-letnyaya-shkola-po-problemam-globalnoj-bezopasnosti-2013.
[65] URL: http://www.foreignpolicy.ru/
[66] URL: http://pircenter.org/
[67] URL: http://www.russia-direct.org/
[68] URL: www.iras.ir

рассмотрения различных уровней иранской политики – международного, регионального и внутригосударственного, а также двух теоретических звеньев, заданных темой – взаимоотношений властных элит между собой, их восприятия угроз безопасности и формирования политики Ирана по ядерному вопросу.

Автор считает необходимым выразить глубокую благодарность первому научному руководителю данной работы заслуженному деятелю науки, доктору исторических наук профессору Г.И. Мирскому. Именно его энтузиазм стал первоначальным двигателем диссертации, которая получила развитие при последующем научном руководстве.

II. Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее изученности, определяются предмет и объект исследования, формулируется цель и задачи, выявляются методологические основы работы, характеризуется источниковая база, раскрывается научная новизна и практическая значимость.

Первая глава заключается в попытке проанализировать консенсус относительно политики по ядерному вопросу, существующий в иранском обществе, как среди представителей государственных органов власти и духовной среды, так и среди простого населения. В **первом параграфе** внимание было уделено иранской исторической памяти, которая способствует укреплению образа ядерной программы в качестве своеобразной национальной идеи. Также рассматривается ее сдерживающая функция, в частности, в случае приобретения Ираном технологической способности приобрести ядерное оружие, функция реагирования на внешние угрозы и значение как аргумента в борьбе за региональное лидерство.

Во **втором параграфе** представлена общая характеристика иранской власти и обзор общественных настроений в отношении режима в целом и национальных ядерных амбиций в частности, где общественное мнение рассматривается в качестве важного фактора формирования политики Ирана. Этот параграф дополняется Приложением А, где изложено устройство иранской системы власти. В данном параграфе высшие органы дуалистичной, или гибридной, системы иранской власти, которая объединяет в себе светское и духовное начала, также представлены в динамике – в разрезе расстановки политических сил с учетом присущего системе фракционизма. Значительное внимание уделяется Корпусу стражей исламской революции (КСИР), из-за заметного усиления структуры в иранской политической жизни после ирано-иракской войны, и особенно – с приходом к власти М. Ахмадинежада.

В **третьем параграфе** политический вес различных сил и их позиции анализируются с точки зрения способности влиять на принятие решений по ядерному вопросу. Там же приводится иранская дискуссия о возможных вариантах действий в сложившейся ситуации, включая ее религиозное обоснование, без чего невозможно представить обсуждение политических вопросов в теократическом государстве.

Во **второй главе** рассматривается региональный контекст развития иранской ядерной программы. **Первый** параграф закладывает теоретическую основу анализа взаимоотношений Ирана с соседними странами, применяя для этого теорию региональных комплексов безопасности. **Второй параграф** отведен анализу отношений Ирана с Саудовской Аравией и Израилем как наиболее значимыми игроками в рассматриваемом контексте ядерной программы, и **третий параграф** – отношениям с другими странами в рамках предложенной теории.

Третья глава посвящена рассмотрению международного уровня иранской внешней политики в контексте ядерной программы, где акцент был сделан на взаимоотношениях Ирана с США и Россией. В первом параграфе рассматривается противостояние Ирана и США, которым было уделено особое внимание, поскольку, наряду с Израилем, они являлись основным двигателем ужесточения санкций, и также потому, что история ирано-американского противостояния берет начало в 1979 г., положившем конец стратегическому альянсу Тегерана и Вашингтона. В параграфе автор прослеживает**,** как институционализировалось недоверие между двумя государствами параллельно с нарастанием напряженности по иранскому ядерному вопросу. Наибольшее внимание в этом параграфе уделено дипломатическим инициативам с момента президентства Барака Обамы и причинам неудач на дипломатическом поле. Во **втором параграфе** анализируются ирано-российские отношения, в которых ядерный вопрос сыграл немалую роль. **Третий параграф** обобщает анализ, проведенный в диссертации, связывая внутриполитические особенности Ирана с его внешнеполитической позицией. Часть его основана на рассмотрении реакции Ирана на различные стратегии воздействия на его позицию по ядерному вопросу.

В **заключении** обобщены основные выводы автора по проведенной работе.

В **Приложении А** к данной диссертации содержится характеристика иранских органов власти, где автор с помощью сравнительно-исторического метода рассматривает устройство иранской политической системы, основанной на принципе *велаят-е факих*. Приложение помогает выстроить образ системы формальных и неформальных институтов, политического веса отдельных игроков в Иране. В **Приложениях Б и В** содержатся наиболее значимые выдержки из интервью, проведенных в ходе данного исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Свешникова Ю.В. Политико-правовой контекст президентских выборов 2013 года в Иране // Конституционное обозрение. 2014. № 2. С. 1-12 (1,2 п.л.).
2. Свешникова Ю.В. Влияние иранских элит на ситуацию вокруг ядерной программы // Вестник Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». 2013. № 2. с. 253-260 (0,7 п.л.).
3. Свешникова Ю.В. Иранский атом: дойдет ли дело до войны? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 1. с. 15-28 (1,2 п.л.).

Работы, опубликованные в других изданиях:

4. Hosseinzadeh V., Sveshnikova Y. The future of Russian-Iranian cooperation in Syria // Russia Direct. 2016. 29 Aug. URL: http://www.russia-direct.org/opinion/future-russian-iranian-cooperation-syria (0,2/0,1 п.л.)
5. Свешникова Ю. Иран: влияние соглашения по ядерной программе на решение внутренних проблем // Институт Ближнего Востока. 25 июля. URL: http://www.iimes.ru/?p=29275 (0,2 п.л.)
6. Sveshnikova Y. The ghost of the Iranian nuclear deal // Russia Direct. 2016. 25 July. URL: http://www.russia-direct.org/analysis/ghost-iranian-nuclear-deal (0,3 п.л.)
7. Свешникова Ю. Хадж 2016: еще одна арена ирано-саудовского противостояния // Институт Ближнего Востока. 2016. 3 июля. URL: http://www.iimes.ru/?p=28951 (0,2 п.л.)
8. Свешникова Ю. День начала реализации беспокойства - «обеспокоенные», СВПД и внутреннее соглашение для Ирана // ПИР-Центр. 2016. 26 янв. URL: http://pircenter.org/blog/view/id/238 (0,2 п.л.)
9. Свешникова Ю. Зачем генералу Сулеймани ехать в Москву? // ПИР-Центр. 2015. 31 авг. URL: http://pircenter.org/blog/view/id/224 (0,2 п.л.)
10. Sveshnikova Y. What the saga of a top Iranian general tells about Russian diplomacy // Russia Direct. 2015. 26 Aug. URL: http://www.russia-direct.org/opinion/what-saga-top-iranian-general-tells-about-russian-diplomacy (0,2 п.л.).
11. Свешникова Ю. Иранская ядерная сделка и забытые министры // ПИР-Центр. 2015. 20 июля. URL: http://pircenter.org/blog/view/id/221 (0,2 п.л.).
12. Свешникова Ю. ЗРК С-300 как залог укрепления антиамериканской оси // ПИР-Центр. 2015. 5 февр. URL: http://www.pircenter.org/blog/view/id/183 (0,2 п.л.).
13. Свешникова Ю. Обеспокоенные переменами: иранская дискуссия о ключевых международных событиях // Индекс безопасности. 2014. №3. с. 83-94 (0,9 п.л.).

14. Свешникова Ю. Политическая логика кислотных атак в Иране // Внешняя политика. 2014. 22 ноября. URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/politicheskaya-logika-kislotnyh-atak-v-irane/ (0,1 п.л.)
15. Sveshnikova Y., Roknifard A. Iran's Optimism Over the Failure of Negotiations // Russia Direct. 2014. 30 Nov. URL: http://www.russia-direct.org/analysis/irans-optimism-over-failure-negotiations (0,3/0,2 п.л.).
16. Свешникова Ю. Неформальный трек ирано-американской разрядки // Внешняя политика. 2014. 24 марта. URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/neformalnyy-trek-amerikano-iranskoy-razryadki/ (0,1 п.л.).
17. Sveshnikova Y. Russia won't like it if Iran friends the U.S. // Russia Direct. 2013. 14 Aug. URL: http://www.russia-direct.org/analysis/russia-won%E2%80%99t-it-if-iran-friends-us (0,2 п.л.).
18. Свешникова Ю., Рокнифард А. Итоги президентских выборов и Иране: перемены на горизонте? // Russia Confidential. 2013. № 8. С. 1–7 (0,6/0,4 п.л.).
19. Свешникова Ю., Рокнифард А. Midstream российско-иранской дружбы //РСМД. 2013. 2 июля. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2049#top-content (0,6/0,4 п.л.).
20. Свешникова Ю. Ислам, новая весна и старая революция // Новая газета – Сценарии. 2012. 26 июня. URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-06-26/13_islam.html (0,4 п.л.).
21. Свешникова Ю. Постисламская весна на Ближнем Востоке: культурно-ценностный подтекст / Вестник аналитики. 2011. № 3(45). С. 73-78 (0,3 п.л.)
22. Свешникова Ю. Иран и США в Афганистане: поделим или померимся силами? // Экспертное издание Фонда исторической перспективы «Звенья». Афганский эндшпиль. 2011. № 2(15). С. 126-141 (0,6 п.л.).
23. Свешникова Ю. Исламский фактор в политических событиях начала 2011 года. Особенности Исламской Республики Иран // Россия и исламский мир: история и перспектива цивилизационного взаимодействия. Сборник статей и материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию Карима Хакимова (24-26 марта 2011 г.) / Под общ. ред. А. Мустафина. Уфа: Вагант, 2011. 256 с. С. 151-154 (0,2 п.л.).